

В.К.Косс

**ОСТАВЬ
РУБАШКУ.
ОСТАЛЬНОЕ
ЗАБЕРИ**

В.К. Косс

Оставь рубашку. Остальное забери

«Автор»

2026

Косс В.

Оставь рубашку. Остальное заberi / В. Косс — «Автор», 2026

Стас собирает вещи, а я прошу оставить его старую рубашку. В ней удобно работать. Так я объясняю себе, почему не отдаю ее вместе с остальным. Он получил работу в другом городе и сообщил моим коллегам, что я еду с ним. Мое место уже заняли. Меня никто не спросил. Мы прожили вместе почти двенадцать лет. Я знаю, как он складывает носки, он помнит, какой кофе я пью. И даже теперь, когда я велела ему уйти, мне хочется прижаться к нему. У меня появляется шанс сделать собственный звуковой проект. У Стаса — новая работа за сотни километров. Он зовет меня к себе. Я тянусь к нему и боюсь снова сказать «ладно», а потом годами откладывать все, что важно мне. Как вернуться к человеку, которого любишь, если рядом с ним так легко перестать выбирать себя?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правая полка	5
Глава 2. Пропущенный звонок	7
Глава 3. Четыре часа	9
Глава 4. Человек у микрофона	11
Глава 5. Вещи не по списку	13
Глава 6. Неудачный дубль	15
Глава 7. Сорок минут до посадки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В.К. Косс

Оставь рубашку. Остальное заberi

Глава 1. Правая полка

Стас складывал мои носки в свою сумку. Я смотрела, как он сворачивает их попарно, и не могла решить, когда сказать. Серые, с резинкой, которую я надрезала ножницами, он положил между зарядкой и рабочими перчатками.

— Это мои.

Он развернул носки, словно внутри могло найтись подтверждение, и вернул в ящик.

— Извини. Не заметил.

За почти двенадцать лет брака я привыкла, что он собирается за двадцать минут. Даже в темноте знал, где лежат паспорт, запасные очки, таблетки от головы. В командировки я его не провожала. Только проверяла, выключен ли утюг, которым он гладил одну и ту же рубашку для переговоров.

Сегодня утюг был холодный. Стас собирался к матери, на другой конец Костромы, и путал вещи.

На экране моего телефона оставалось сообщение Аси: «Лид, очень жаль. Стас сказал, вы уезжаете. Я уже подтвердила Полине весь звуковой раздел. Надеюсь, еще поработаем».

Я прочитала его в магазине, возле холодильника с молоком. Вернулась с пустой сумкой. Стас сразу спросил, где продукты. Я поставила ее на пол, не ответив.

Теперь он застегнул боковой карман и посмотрел на меня.

— Может, все-таки дадим друг другу остыть?

— Давай. Ты у мамы, я здесь.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

Я стояла в коридоре в босоножках. Одна пряжка врезалась в щиколотку; наклониться и расстегнуть ее означало на несколько секунд перестать на него смотреть.

— А как выглядит то, что ты отказался за меня от работы?

— Я не отказывался. Ася спросила, сможешь ли ты осенью. Я сказал, что мы, скорее всего, будем в Перми.

— Она написала не «скорее всего».

— Я не отвечаю за каждое ее слово.

— За свои ответишь?

Он потер лицо. Я знала этот жест: так он делал, когда в холодильной установке не сходились показания датчиков, а заказчик стоял над плечом и спрашивал, сколько еще ждать. Стас был хорошим инженером. Умел находить неисправности, которые другие не слышали за гудением.

— Лида, я уже три месяца говорю про Пермь.

— Ты говоришь про свою работу.

— А деньги в нашей семье чьи?

Вот теперь я расстегнула босоножки. Медленно, сначала левую, потом правую. Сняла их и поставила у стены.

— Поэтому ты сказал, что я не буду работать?

— Поэтому я хочу, чтобы у нас была нормальная жизнь. С выходными. Чтобы я не мотался по области и не встречал Новый год у чужого компрессора.

На Новый год он действительно уехал на аварию. Я везла оливье Тамаре Петровне и отскребала от ее кастрюли пригоревшую гречку. Мы оба имели право устать. Но про музей я

говорила ему в феврале, показывала эскизы в мае. Он даже помогал искать старый железнодорожный гудок для пробы. Я приняла это за участие.

— Я хотела сделать эту выставку.

— Один звуковой раздел. Потом опять чистить чужие записи за копейки?

Я отвернулась к кухне. На столе стояла тарелка с двумя косточками от абрикосов. Утром он ел над мойкой, я дала ему тарелку. День начинался совершенно обычно.

— Ты мог не верить в мою работу, — сказала я. — Но ты должен был дать мне самой от нее отказаться.

Он открыл рот, закрыл. Потом вынул из шкафа вешалку с синей рубашкой в узкую белую полоску.

— Эта тебе нужна?

Рубашка была старой, мягкой от бесконечных стирок. В ней он ездил со мной снимать первую комнату, в ней я монтировала по ночам. Правый манжет отрывался дважды, и оба раза я пришивала его белыми нитками, потому что синие лень было искать.

— Оставь рубашку. Остальное заberi.

Я испугалась того, как это прозвучало. Но Стас все еще держал рубашку, спрашивал разрешения забрать тряпку после того, как распорядился моей осенью. Я не стала поправляться.

Стас снял рубашку с вешалки. Положил на край кровати, расправил рукав. У него были крупные пальцы с плоскими ногтями; ноготь на среднем так и не восстановился после давней травмы. Я любила эти руки, и от этого было трудно смотреть на пол.

— На сколько я ухожу?

— Не знаю.

— До отъезда восемнадцать дней.

— Я помню.

Он вынес сумку в коридор. У порога задержался, потянулся к связке ключей, но я покачала головой.

— Квартира и твоя тоже. Только предупреждай, когда приедешь.

Впервые за весь вечер он выглядел по-настоящему растерянным.

— Тебя кто-нибудь ждет? — спросил он.

Я не сразу поняла.

— Нет, Стас. Меня никто не ждет.

Он кивнул с таким облегчением, что я едва не взяла слова обратно. Не потому, что соврала. Выходило, что без другого мужчины все еще можно поправить. Он опять меня не понял.

Когда закрылась дверь, я услышала лифт, затем скрип входной двери вниз. Наш лифт издавал три разных звука: удар, короткий вздох и гул. Я работала со звуком пятнадцать лет и всегда могла определить, доехал ли человек до первого этажа.

Пошла в спальню, взяла рубашку, чтобы убрать. От воротника еще пахло его шеей и стиральным порошком. Ничего особенного, знакомый запах, от которого внезапно захотелось есть. За целый день я съела один абрикос.

На кухне не оказалось хлеба. Я достала из морозилки два сырника и поставила сковороду на маленький огонь. Телефон завибрировал: «Доехал. Мама не спит. Купи себе что-нибудь поесть».

Я прочла сообщение два раза, положила телефон экраном вниз и села ждать, когда разморозится ужин.

Глава 2. Пропущенный звонок

Утром я проснулась от воды в ванной. Стас всегда вставал раньше меня, и первые несколько секунд я лежала спокойно. Потом вспомнила, что шумит соседский душ, а из нашей ванной не доносится ничего.

Я сняла с подушки волос, слишком длинный для Стаса, и почему-то обрадовалась: мой. На полу остался след от его сумки. Провела по нему носком, хотя пыль была ни в чем не виновата. По дороге в кухню заглянула в кабинет: провода лежали на столе, как я бросила их вчера. Наша трехкомнатная в старом доме у набережной вдруг показалась слишком большой.

Ася согласилась встретиться в десять. Бывший багажный зал, который музей получил под временные выставки, пах свежей шпаклевкой. Рабочий заклеивал окно газетой. В углу стояла скамья с литыми ножками, над ней на стене еще виднелся прямоугольник от старого расписания.

— Ты не уезжаешь? — спросила Ася вместо приветствия.

— Нет.

Она поставила стакан с кофе на подоконник. Крышка была надкушена с краю — плохая привычка, оставшаяся с радио, где мы когда-то работали вместе.

— Господи, Лид. Почему ты мне не перезвонила?

Я открыла переписку. В конце июля действительно стояло: «Надо определиться с осенью. Набери». В тот день я везла Тамару Петровну на обследование. Потом Ася уехала на неделю, у меня сломался ноутбук. Я собиралась позвонить, когда будет что предъявить, кроме собственного желания.

— Надо было перезвонить, — сказала я. — Но ты же могла спросить меня. Зачем через Стаса?

— Он сам заехал. Привез переходники, которые обещал. Сказал, у вас решилось с переездом. Я еще обрадовалась за тебя.

Ася отошла от окна, и мне стало видно, что она тоже не выпалась. Под глазами лежала размазанная тушь. Мне хотелось, чтобы она оказалась безупречной и вернула мою правоту целиком, без этого пропущенного звонка.

— Надо было спросить тебя, — сказала она. — Хоть сообщение написать. Я решила, что ты опять не можешь мне отказать прямо.

Раньше такое случалось. Я обещала прийти на запись, потом меняла дату, потом присылала извинение на полстраницы. У меня всегда были уважительные причины. Люди все равно переставали рассчитывать на меня.

— Полину ты не снимешь, — сказала я.

— Не сниму. Она отказалась от другого заказа. Мы подписали договор.

Мы стояли рядом со старой скамьей, как пассажиры, которым только что объявили отмену поезда.

— Что ты хотела сделать? — спросила Ася.

Я начала рассказывать о вокзальных объявлениях. О том, как меняется голос человека, когда он знает, что его услышат сразу сто незнакомых людей. О чужих разговорах в очередях, о паузе перед именем встречающего. Первоначальная тема выставки была шире — «Пассажиры», город через движение и ожидание. Я подготовила звуковую пробу еще весной, но отправила только короткий отрывок.

Ася слушала, потом присела прямо на скамью.

— Есть один зал. Маленький. Там будут фотографии Романа, ничего большого не поставишь: потолок низкий, проводка только по одной стене. Но наушники можно сделать. Полина делает общий маршрут, а это можно отделить. Денег на твой первоначальный объем нет.

Она назвала сумму. За нее можно было прожить два месяца, если не покупать одежду и не чинить зубы. На оборудование оставалось мало.

— Я подумаю до завтра, — сказала я.

Ася подняла на меня глаза. Обычно я соглашалась сразу.

— Хорошо. Только до завтра.

Дома я открыла таблицу расходов. Ипотеку мы закрыли три года назад, но квартплату, еду, интернет и помощь Тамаре Петровне предстояло оплачивать и дальше. На моем счете лежали две последние оплаты за монтаж. На общем — резерв, куда мы переводили одинаковую долю заработка, хотя в абсолютных цифрах Стас переводил больше.

Я написала ему: «Надо договориться о расходах, пока живем отдельно. И о твоих приездах за вещами».

Он ответил почти сразу: «Я не собираюсь оставлять тебя без денег».

Я стерла три разных ответа и набрала: «Мне нужна договоренность. Давай вечером созвонимся».

До вечера я чистила интервью врача от шороха синтетического халата. Двадцать минут записи заняли почти четыре часа. Врач все время задевал микрофон локтем; раньше я злилась на такие вещи, теперь монотонная работа давала голове передышку.

Стас позвонил в девять. Мы разделили текущие платежи, решили не трогать общий резерв до конца сентября и сохранить за ним оплату помощницы матери. Я взяла на себя продукты, интернет и счетчики в нашей квартире, постоянные платежи поделили пополам.

— Тебе хватит? — спросил он.

— На два месяца. Потом пересмотрим.

Он помолчал.

— Ты поговорила с Асей?

— Да. У меня будет отдельная часть выставки, если я завтра соглашусь.

— Платят хоть нормально?

Я закрыла глаза. За окном ребенок требовал у отца забрать самокат, хотя минуту назад кричал, что не отдаст.

— Я еще сама не посчитала, Стас. Давай не сейчас.

— Я просто спросил.

— Знаю. А я просто ответила.

После разговора я нашла на почте весеннюю звуковую пробу. В ней мой собственный голос объявлял поезд, которого никогда не существовало. Голос был выше обычного, чересчур старательный. Я слушала его в наушниках и решала, смогу ли я показать Асе целую работу, даже если она получится хуже этой пробы.

Перед сном я написала ей: «Согласна. Пришли договор».

Глава 3. Четыре часа

В субботу у Тамары Петровны была реабилитационная гимнастика. Помощница Вера Ивановна приходила по будням на четыре часа, суббота оставалась моей. Я приехала с творогом и обнаружила, что свекровь уже сидит на кухне при полном макияже. Помаду она наносила левой рукой, и верхняя губа получалась немного длиннее нижней.

— Стас в магазине, — сказала она. — Можно пока картошку почистить.

— Я на час. Потом работа.

Тамара Петровна посмотрела на часы. В ее квартире они висели в каждой комнате, но все показывали разное время. После инсульта она стала бояться опоздать даже туда, куда ее привозили заранее.

— Сегодня же выходной.

Я достала из холодильника кастрюлю. Приподняла крышку: суп, который приготовила Вера Ивановна, был почти не тронут.

— Не понравился?

— Много моркови. Я просила без моркови.

— Вы можете сказать ей еще раз.

— Лида, у нее и так лицо вечно недовольное. Ты же знаешь, как я ем.

Знала. Без кожицы на помидорах, с маленькими кусками мяса, чай не слишком крепкий. Знала, какую таблетку нужно положить возле стакана, чтобы она не забыла. Когда в ноябре позапрошлого года Стас позвонил из районной больницы, я успела раньше него. Стояла в приемном покое с пакетом, куда сунула тапочки не того размера. В первые недели не думала ни о чем будущем. Потом недели стали месяцами, а у меня появился собственный ключ от ее квартиры и постоянное чувство, что я что-то недоделала.

— Морковку можно отложить, — сказала я.

Свекровь аккуратно поставила чашку.

— Он у меня третий день. Ты собираешься с ним поговорить?

— Мы разговариваем.

— Мужчины не любят, когда их воспитывают.

Я помыла руки и достала коврик для упражнений. Раньше мы занимались сорок минут, теперь врач оставил двадцать. Остальное Тамара Петровна делала сама, держась за спинку стула.

— Это не воспитание, — сказала я. — Мы решаем, как жить дальше.

— Из-за выставки?

В ее голосе было искреннее недоумение. Я представила, как Стас объяснял ей происходящее: Лида расстроилась из-за проекта. Удобная, не совсем лживая фраза.

— В том числе.

— У вас хорошая квартира. Стас не пьет. Руки золотые. Ты думаешь, везде такие?

Мне стало стыдно за раздражение: передо мной сидела женщина, которая год училась застегивать пуговицы. Я уже собиралась пообещать зайти завтра. Сжала руки, чтобы не потянуться за телефоном и не открыть календарь.

— Тамара Петровна, давайте начнем. Потом я уйду.

На шестом упражнении она устала. Я подала воду, подождала, пока пройдет одышка. С лица сошло напряжение, стали заметнее складки возле рта. Я поправила край коврика и вспомнила, как она однажды принесла мне на радио домашние котлеты, потому что Стас сказал: Лида вторые сутки на выпуске. В контейнере лежали еще две конфеты. Свекровь не любила меня так, как сына, но бывало, что любила.

Стас пришел, когда мы закончили. На плече у него висела новая хозяйственная сумка — нашу он, видимо, не взял. Увидев меня на полу возле коврика, замедлил шаг.

— Привет.

— Привет. Все сделали, дальше она сама.

— Ты поешь? — Он достал курицу в прозрачном пакете. — Я сейчас быстро.

Я почти согласилась. Курица, его спина у плиты, мама в соседней комнате, мы говорим обычными голосами. Достаточно было остаться на час, и никто больше не вспоминал бы шкаф и мои носки.

— Не могу. У меня запись.

— Опять эти ваши разговоры? — спросила Тамара Петровна.

Стас положил курицу на доску.

— Мам, это работа.

Я посмотрела на него. Хотелось поблагодарить, и от самого этого желания сделалось неприятно.

В коридоре он помог мне найти перчатку от велосипеда — она упала за обувницу.

— Лид, я не говорил, что ты плохой специалист.

— Ты сказал Асе, что меня не будет. Теперь я не делаю эту работу. Какая разница, хорошим специалистом ты меня считаешь или плохим?

Он остался стоять с перчаткой в руке.

— Я привык, что мы вместе.

— Я тоже. Поэтому и не проверяла, что ты говоришь от моего имени.

Из кухни позвала мать: у пакета с молоком оторвался уголок, капало на пол. Стас оглянулся.

— Я разберусь, — сказал он мне. — Иди.

На лестнице я долго застегивала шлем. Внизу пахло нагретой краской. Окно на площадке кто-то заклинил пустой коробкой от таблеток.

Телефон зазвонил, когда я уже выкатила велосипед из подъезда. Тамара Петровна просила во вторник сходить с ней к стоматологу. Я знала, что Вера Ивановна может перенести часы, если попросить заранее.

— Во вторник не смогу, — сказала я. — Позвоните Вере Ивановне.

Свекровь не бросила трубку. Не заплакала. Уточнила ее номер и поблагодарила. Я записала сообщение с номером, переслушала и удалила в конце ненужное «простите».

Глава 4. Человек у микрофона

Михаил Валерьевич попросил не ставить микрофон слишком близко к лицу.

— Усы трещать будут, — объяснил он.

Усов у него не было, только короткая седая щетина. Я передвинула стойку. Мы сидели в комнате бывшего зрителя: две розетки, письменный стол и окно на площадку, где раньше разгружали багаж. Снаружи рабочие резали металл. В паузах запись получалась почти студийной.

— Можете начать с того, как пришли сюда работать.

— Ногами, — сказал Михаил Валерьевич. — От автобуса. Тридцать второй раньше ходил.

Ася, стоявшая за моей спиной, тихо вышла. Она собрала для меня шестерых рассказчиков: станционных работников, пассажиров, женщину, торговавшую пирожками у перехода. У меня не было задачи написать официальную историю здания. Я хотела собрать то, что оставалось у людей в ушах.

— А что услышали, когда вошли? — спросила я.

Михаил Валерьевич подумал.

— Ругались. Тележку уронили с платформы, начальник смены орал. Но это не надо, наверное.

— Почему?

— Выставка же. Красиво надо.

Я объяснила, что дам ему послушать выбранные куски до выставки. Личное можно будет убрать, ошибку — поправить. Если я неверно соберу его рассказ, переделаем.

Он расправил на коленях кепку.

— Красиво у нас было по утрам. Стекла мыли перед праздниками. Солнце с той стороны, пассажиры идут, глаза шурят. Это вы можете оставить.

Мы записывали полтора часа. Он научил меня отличать стук пустой тележки от полной. Показал пальцем по столу, как звучал старый стрелочный аппарат: не три одинаковых щелчка, как я предполагала, а два коротких и один глухой.

Когда я спросила, почему он ушел, Михаил Валерьевич поправил воротник.

— Возраст.

Ему было пятьдесят восемь, на старых фотографиях он стоял возле этой же стены лет в сорок. Я не стала уточнять. В записи осталась пауза, потом за окном с визгом остановился резак.

— Там проход закрыли, — сказал он вдруг. — В целях порядка. За ограждение выходить стали. Пашка ногу там оставил. Не совсем, конечно. На месте нога. Только ходит не очень.

Он говорил медленно, без прежних шуток. Коллега Павел Гринев нес сменный инструмент в обход закрытой двери, поскользнулся на заледеневших ступенях. История была не сенсационной: зима, спешка, короткое служебное распоряжение. Станным казалось, что Михаил Валерьевич до сих пор помнил номер приказа.

— Вы возражали?

— Я расписался. Как все. Думал, на неделю, потом разберутся.

Он посмотрел на диктофон.

— Я это не для выставки сказал.

Я остановила запись.

— Тогда не возьмем.

— Но вы же записали.

Я показала ему экран. Объяснила, где лежит файл и что он не окажется в общем доступе сам собой. Сказала, что сохраню рабочую запись только до того, как мы утвердим отрывки, если он не захочет иначе. Михаил Валерьевич слушал так, будто я объясняла устройство сложного замка.

— Включите еще, — сказал он, помедлив. — Попробую с начала.

Я снова нажала кнопку записи. Михаил Валерьевич посмотрел в окно, но вместо рассказа спросил:

— А вы сами как думаете?

— Про что?

— Надо такое рассказывать? Или люди пришли, у них выходной, зачем им?

Я могла бы произнести все правильные слова о памяти. Но он спрашивал не куратора и не журналиста, а женщину с наушниками, которая вытащила из него то, что он не собирался отдавать.

— Я не знаю, — сказала я. — Пока не понимаю, какое место у этого рассказа в комнате. Давайте не решать сегодня.

Он впервые посмотрел на меня без осторожности.

Дома я прослушала запись дважды. Во второй раз сняла рубашку с крючка, надела поверх майки. Работать в ней было удобно: не шуршала, рукава не цеплялись за провод, если закатать до локтей. Я иногда записывала пояснения прямо за этим столом, и шорох одежды попадал в микрофон.

В половине одиннадцатого пришло сообщение от Стаса: фотография резинового кольца на ладони и подпись «Нашел, отчего кран гудел. В субботу заменю, если ты дома».

Кран действительно гудел три месяца. Я включала воду тонкой струей, а при записи выключала даже стиральную машину у соседей в собственном воображении.

«В субботу в двенадцать», — ответила я.

Он прислал большой палец. Я задержалась на фотографии его ладони, приблизила изображение, потом вернулась к монтажу.

В наушниках Михаил Валерьевич снова спросил: «А вы сами как думаете?» Я оставила вопрос в рабочем файле. Следом шел мой вдох, длинный, неловкий. Я пока не стала его вырезать.

Глава 5. Вещи не по списку

В субботу Стас пришел с разводным ключом, двумя новыми прокладками и хлебом. Хлеб положил на стол отдельно от продуктов, которые я купила сама, будто это было важно для учета.

— Не знал, берешь ты теперь или нет.

— Беру. Режь, если хочешь.

Пока он лежал под мойкой, я разбирала правую полку. Положила в пакет запасные футболки, зимнее белье, чехол с манометром. Из чехла выпал театральный билет. Дата — девять лет назад. Мы тогда смотрели комедию, которую бросили в антракте, потому что Стас никак не мог перестать смеяться над человеком в первом ряду: тот упрямо фотографировал сцену с закрытой крышкой объектива.

Я смеялась вместе с ним, хотя позже рассказывала друзьям, что ушли из-за плохой постановки.

— Ты отдал бы это в химчистку, — сказала я, показывая куртку.

— Отдам. Там карман проверь, пожалуйста.

В кармане лежало маленькое пластиковое колесико от старого чемодана. Стас носил его с собой, чтобы купить точно такое же. Чемодан мы выбросили в прошлом году.

Я положила колесико на стол. Он вылез из-под мойки, сел на пол и рассмеялся.

— Все. Меня можно сдавать.

На нем была футболка с выцветшим воротом. В волосах застряла паутина. Я наклонилась, сняла ее, и он не пошевелился. Моя рука осталась у его виска. Так мало требовалось телу, чтобы забыть всю прошедшую неделю.

— Лид, — сказал он тихо.

Я выпрямилась.

— Сейчас воду проверим.

Кран больше не гудел. Струя падала ровно, без раздражающей вибрации, которую я даже перестала замечать. Стас вымыл руки, вытер их бумажным полотенцем и только потом заметил висящее у двери обычное.

Мы поели бутербродов. Я села напротив, хотя всегда садилась сбоку. Оба поглядывали на пустое место.

— Я тогда испугался, что ты откажешься, — сказал он.

— От Перми?

— Да. И что придется выбирать.

Он говорил в стол, а я не помогала ему вопросами.

— Там все устроено. Договор на три года, нормальная команда. За переезд часть расходов возвращают. Не нужно каждые две недели искать, кто оплатит акт. Я думал, если показать тебе готовое, ты увидишь, что это хорошо.

— Ты хотел, чтобы я не смогла отказаться.

Стас потер большим пальцем крошку.

— Да. Наверное, хотел.

Я ждала, что после этих слов станет легче. Но теперь поступок, которому я искала случайное объяснение, получил ясный смысл.

— Ты мог уехать один, — сказала я.

— И жить с тобой по телефону?

— Сейчас мы не живем даже по телефону.

Он отодвинул тарелку. Мне стало жаль, что я сказала это таким довольным голосом. Удачная реплика не исправляла ничего.

— Я не понимаю, как тебя теперь спрашивать, — признался он. — Вопрос задаю — ты слышишь, что я решаю за тебя. Молчу — опять плохо.

— Можно просто спросить. И не переделывать все сразу, если мне не нравится.

— А ты можешь сказать, что хочешь, до того, как я все испорчу?

Я открыла рот. Закрыла.

Весной он предлагал съездить посмотреть Пермь. Я ответила, что надо еще маму на ноги поставить. Про выставку сказала: посмотрим, вдруг музей не получит деньги. Мне не хотелось настаивать на том, что может не случиться. Стас услышал в этом согласие на свое.

— Могу попробовать, — сказала я. — Но это не разрешение отвечать вместо меня.

— Понимаю.

Я не знала, понимает ли. Помнила, как он спросил, нормально ли мне заплатят. Но сейчас хотя бы не объяснял, почему был вынужден так поступить.

Мы вернулись к вещам. В ящике с бельем нашлась плоская коробка. Я сама забыла, что сохранила ее: билеты, чек из первого хозяйственного, фотография нашей съемной кухни. На снимке Стас стоял у плиты в той самой синей рубашке и держал в обеих руках сковороду. Ручка отвалилась, пришлось снимать ее прихватками. За секунду до кадра он обжег запястье, а на фотографии выглядел так, будто приготовил ужин для журнала.

— У меня здесь морда довольная, — сказал он.

— Ты выиграл сковородку.

— У тараканов.

Я засмеялась неожиданно громко. За стеной постучали, хотя было три часа дня. Мы оба замолчали и улыбались еще несколько секунд, уже без звука.

Потом Стас спросил, брать ли зимние ботинки.

— В Пермь возьми. Там раньше холодно.

Он кивнул. Я сложила коробку обратно в ящик, не предложив поделить.

Когда он ушел, на столе осталось пластиковое колесико. Я написала ему, что забыл, и впервые за эти дни получила ответ не сразу. Через час пришло: «Выброси. Колесо уже не понадобится».

Я отнесла колесико к мусору, но у ведра задержалась. Потом все-таки разжала пальцы.

Глава 6. Неудачный дубль

Для новой записи мне требовался звук уходящего поезда. Не архивный, не скачанный, а здешний: перестук на конкретном стыке рельсов, металлический звон, когда последние вагоны проходили стрелку. Я знала это место с детства. Отец водил меня на платформу смотреть, как меняют локомотивы, и покупал газировку из автомата, который иногда выдавал одну пену.

Роман встретил меня у входа в вокзал. На плече у него висели два фотоаппарата.

— Два — чтобы солиднее? — спросила я.

— Один работает. Второй для самооценки.

Он сразу улыбнулся, не проверяя, смешно ли мне. У Стаса шутки обычно выходили с задержкой: сначала он говорил, потом сам решал, что получилось забавно.

Мы получили разрешение на съемку и запись в оговоренных местах. Сотрудница провела нас к концу платформы, попросила не мешать пассажирам. Свет был низкий, люди шли против солнца, прикрыв лица билетами. Я закрепила ветрозащиту, проверила уровень, надела наушники.

Вместо окружающего мира услышала короткий треск.

Переставила кабель. Проверила второй вход. Треск стал громче. Вчера разъем держался, я подтянула его резинкой, собираясь отнести в ремонт после выезда. Теперь красный индикатор загорелся и погас.

До поезда оставалось четыре минуты.

— Можно телефоном? — спросил Роман.

— Нет.

Ответила резче, чем следовало. Он убрал телефон.

Я вынула батарейки, вставила обратно, постучала пальцем по корпусу, хотя это никогда ничего не чинило. Вокруг набиралась нужная мне минута: женщина уговаривала ребенка выйти из-за колонны, багажная тележка цепляла щель, сверху хрипело объявление. Я слышала все без наушников и не могла забрать с собой.

Поезд ушел. Роман сделал несколько кадров, отошел, давая мне злиться без свидетеля. Я набрала Стаса, глядя на мертвый экран. Он ответил с первого гудка.

— Что случилось?

— Ничего. Скажи, контакты вообще можно самому поджать? На рекордере вход болтается.

— Можно окончательно доломать. Ты где?

— На вокзале.

— Я сейчас...

— Не приезжай.

Он замолчал. Я сидела на корточках возле сумки и чувствовала, как под коленом ползет песок в складку брюк.

— Мне не надо чинить сегодня, — добавила я. — Мне нужен нормальный мастер. Знаешь такого?

— Костя на Сусанинской ремонтирует аудиотехнику. Я номер пришлю. Скажи, что от меня.

— Хорошо. Спасибо.

— Ты очень расстроилась?

Я потерла лоб, оставив на коже пыль.

— Очень.

— Понимаю.

Он не сказал, что надо было раньше проверить. Я бы на его месте, возможно, сказала.

Роман вернулся с двумя бумажными стаканами. Мой чай расплескался на крышку.

— Я не умею нести красиво, — предупредил он.

— Я не умею записывать поезда. Сегодня.

— Тогда у нас совместный проект.

Я извинилась за телефон. Он пожал плечами.

— Я же не знал, что тебе надо. Предложил, ты отказалась. Все.

Я кивнула. Он уже пил чай, а я все еще подбирала оправдание своему отказу.

Мы сели на скамью. Роман показал фотографию: женщина в коричневом плаще спала, прижав к себе жестяную коробку с печеньем. Щека примялась о край коробки. На соседнем кадре она уже смеялась, обнаружив, что коробка во сне открылась и печенье сыплется на колени. На публикацию он еще собирался спросить разрешение, оставил ей свой номер.

— Мне все время хочется, чтобы у человека на фотографии была приличная жизнь, — сказал он. — Поэтому иногда делаю кадр слишком красивым. Потом выбрасываю.

Я подумала о весенней пробе: все голоса там звучали чище, спокойнее и торжественнее, чем были. Даже собственный.

Костя сказал, что разъем заменит к пятнице. На следующее утро я взяла музейный запасной рекордер, который постеснялась попросить сразу: он был старый, большой, с кнопкой записи под прозрачной крышкой.

Ася подписала мне выдачу, не глядя на часы.

— Лид, мы сюда не на конкурс красивых приборов собрались.

Во второй раз я пришла на платформу одна, за час до поезда, проверила оба канала, выждала три объявления. Нужный поезд ушел под сильным дождем. На этот раз я записала не то, что планировала: голос мальчика, который считал вагоны, путался на одиннадцатом и каждый раз начинал сначала.

Прослушала дома. Из окна тянуло мокрым бельем. Я оставила счет в отдельном файле, предварительно записав номер его мамы для согласования. Потом открыла папку с неудавшимся первым выездом. Там было четыре секунды треска и мой голос, раздраженный до неузнаваемости.

Не удалила. Хотелось понимать, с чего пришлось начинать.

Глава 7. Сорок минут до посадки

Стас уезжал в воскресенье. Билет был на вечер, с пересадкой в Москве; я знала маршрут, потому что много лет покупала ему билеты, сравнивала стыковки и напоминала не брать верхнюю полку над туалетом. В этот раз он купил сам. Мать предложила проводить, он отговорил: поздно, тяжело возвращаться.

Меня не попросил.

В пять я сидела у монитора и двигала на дорожке поезд. Голос мальчика согласовали, но использовать его без перерыва было нельзя: он быстро перетягивал внимание на себя. Я урезала фрагмент до восьми секунд, потом снова растянула.

В половине шестого надела джинсы, взяла ключи и поехала на вокзал.

Стас стоял у табло с чемоданом и рюкзаком. Взглянул на меня так, будто я приехала из другого города.

— Что-нибудь забыл?

— Нет. Я просто приехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.